

3. Если затем к сим двум расположениям, то есть отрешению от всего земного и покаянию, присоединим еще возжелание благ будущих, то смерть нами встречена будет не только без скорби и страха, но и с охотою. Охотно иной оставляет дом, когда в нем сыро, или печи дымят, или кровля худая... Иной, хотя и не встречает в доме таких неприятностей, охотно переходит в другой дом ради того, что предполагает в нем найти более удобств и выгод житейских. Так, когда мы умом постигнем и сердцем ощутим, с одной стороны, скудость и ничтожность благ здешних, с другой — высоту и необъятность благ, ожидающих нас в другом мире, то не только с охотою, но с сильным устремлением будем желать перехода из сего мира в другой, подобно апостолу Павлу, который говорил о себе, что сильно желал разрешиться и со Христом быть (ср.: Флп. 1,23), и Пречистой Владычице, Которая каждое утро ходила на гору Елеонскую, (где потом на краткий срок положено было и тело Ее) и молила Божественного Сына Своего, чтоб поскорее взял Ее отсюда и дал возможность зреть красоту лица Его... в селениях небесных. Душа, постигая, что значит жизнь здешняя и жизнь в другом мире, будет вздыхать о сей последней, как пленный вздыхает об отечестве, странник о родном доме и сидящий в темнице о свободе...и с немалым желанием призывать к себе смерть как избавительницу, благодетельницу и утешительницу. Спросите, как возвесть душу к таковому настроению? Можно размышлением о ничтожестве благ земных и величии благ небесных, а вернее всего, ощущением горечи всего земного вкушением сладости небесного. Ибо тогда выйдет то, что, вкусив сладкого, не захотят горького — отвратятся от последнего и возжелают первого. Или еще лучше: тогда душа будет бежать из сей жизни в другую, как бегут из душной комнаты на свежий воздух. Вот и все, что нужно нам, чтоб умереть спокойно. Не иметь пристрастия к здешнему, совесть очистив жить добродетельно, воспитать в себе сильное желание благ вечных. Первое и последнее придут сами собою, когда будет главное, то есть чистая совесть и добрые дела. Братия и отцы! Знаем, что среди всего неверного на земле одно несомненно верно — то, что мы умрем... и что смерть будет для нас или горька и мучительна, или отрадна и сладостна. Не явим же себя врагами себе, неразумно огорчая переход свой из сей жизни в другую, — тогда как обладаем всеми способами к тому, чтобы усладить его. Ныне или завтра смерть — будем готовы! Се, гряди скоро, говорит Господь (Откр. 22,12). Малый, ради сего подъятый труд — вечной радостью вознагражден будет. А хоть бы пришлось и большой понести труд и пострадать, это — не в убыток... Ибо недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явиться в нас (Рим. 8, 18). Аминь.

Зёрнышко

Приходской листок храма Свт.Николая пос.Николао-Прозорово Август' 20

Успение Пресвятой Богородицы

«Братья, что это значит, что Церковь кончину Божией Матери называет не смертью, как обыкновенно мы называем кончину людей, а успением или, что все равно, упокоением или мирным сном, и не только не скорбит, не плачет при гробе Ее, а, напротив, поет радостные, торжественные песни Ее исходу? То, что Преблагословенная Матерь Господа в самом деле не умерла, как обыкновенно умирают люди, а как бы уснула ненадолго мирным сном после тяжких скорбей жизни и что гроб Ее, бывший для Нее дверью к Небесному Царствию, скрывает в себе много радости для христианина; из этого гроба, как и из гроба воскресшего Господа, веет и на нас небесным нетлением, или лучше сказать — этот гроб непреложно обещает и нам бессмертие по душе и нетление по телу, истребляя в нас страх смерти. <...> Самый очевидный пример торжества над смертью видим мы в Пречистой Матери Господа. Она склонилась в гробе только для краткого отдохновения плоти. Говорим «для краткого» потому, что, по свидетельству предания, на третий день после Ее смерти уже не найдено в гробе пречистого тела Ее — оно воскресло и взято было на небо, где вместе с душой стало наслаждаться блаженством небесным. За Божией Матерью видим апостолов и мучеников, которые встречают смерть с радостью, как величайшего друга, который взамен скоропреходящих благ настоящего мира или взамен его бед и скорбей дарствует им вечные радости Царствия Небесного. За ними видим всех святых, которые смотрели на смерть также с радостью, видя в ней конец земных трудов и начало небесной славы. Святая Церковь старается и в нас поселить такое же бесстрашие к смерти, увещевая нас прогонять страх ее постепенным искоренением в себе грехов, и своих мертвецов она называет теперь не иначе, как усопшими, т. е. как бы уснувшими, потому что бессмертная жизнь в будущем веке так теперь для нас несомненна и право наше на нее так верно, что мы не можем или не должны иначе смотреть на смерть, как на сон. Слава бесконечно благому Богу! Прежде над мертвецами долго и безутешно рыдали и даже повелевалось прямо над мертвецами источать слезы <...>, а ныне вместо надгробного рыдания мы поем песнь Аллилуиа, или Хвалите Бога, восхваляя божественную премудрость и благодать, которые смерть сделала переходом к бессмертию. <...> Братья! Вечная жизнь за гробом не подлежит никакому сомнению. Но также не подлежит ни малейшему сомнению, что она может быть двоякая: для праведников — блаженная, а для ожесточенных грешников — мучительная. Смерть есть предел, граница между настоящей и будущей жизнью, и мы не знаем, далеко или близко она от нас. Будем готовы всегда стать на эту грозную границу между двумя жизнями. Аминь.»

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Слово на Успение Пресвятой Богородицы

Святитель Феофан Затворник

Ныне празднуем Успение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии. Но ведь это была смерть Богоматери — истинная, подобная смерти всякого человека. Чего же ради она наименована Успением, как бы заснутием или сном? Это могло быть и потому, что Пречистая не долго была держима в узах смерти и области тления, а чрез три дня обретена воскресшею, подобно Сыну Своему, Господу Иисусу Христу, но паче потому, что смерть сия была мирна, тиха, сладостно приятна, подобно желанному покойному сну по утомлении тела дневными трудами.

Но не такова же ли должна быть и наша смерть? Да, Пресвятая Богородица есть Мать наша, мы — дети. Она предшествует, мы должны последовать за Нею. И вот нам, празднующим день Успения, урок от Успения: год от году приближаясь к смерти — всячески заботиться о том, чтоб смерть наша была не терзательным и мятежным отторжением души от тела, а мирным и безмятежным исходом из сего мира в другой, подобно тихому и покойному засыпанию... Спрашивается, как сего достигнуть и что требуется для сего с нашей стороны? Смерть не есть уничтожение, а переход из сего земного жилища в другое. Но когда, возьмем пример из обычной жизни, когда из одного места в другое переходят не только с душою покойною и мирною, но и радостно? Тогда, когда не бывают ни к чему привязаны в том месте, из которого выходят, и того места, в которое переходят, не только не страшатся, но и всячески желают ради чаемых в нем утешений и приятностей.

Расположимся же подобно сему и относительно смерти — и мы встретим ее не только без скорби и страха, но и с радостным желанием... Именно:

1. Погасим в себе всякое пристрастие к телу и всему телесному, к земле и всему земному. Ибо когда ничто не привязывает на земле — откуда будет скорбь при оставлении ее? Как свободно и легко отделяются одна вещь от другой, когда они не связаны и не склеены, а только приложены друг ко другу, так легко будет отделение души от тела, когда в ней не будет привязанности к телу и когда она, пребывая в теле, не по телу жительствует. Странник, идущий к своему назначению, спокойно и охотно оставляет места, где останавливается. Почему? Потому, что они для него чужие. Так и когда сердце наше будет считать чужим себе все земное, нам не будет затруднения перейти в другую жизнь. Конечно, нам нельзя быть без некоторых вещей или даже многих вещей. Но можно так расположить к ним свое сердце, что с ними так же легко будет расстаться, как скинуть ненужную нам одежду. Об этом и позаботимся. Трудновато сие? Да... но можно сделать сие не вдруг, а мало-помалу. Как враг опутывает душу пристрастиями земными?

Навязывая их одно за другим, подобно тому, как паук опутывает попавшихся в сети насекомых, набрасывая на них паутинку за паутинкою. Наоборот, кто хочет выпутаться из сих сетей, пусть ухитряется действовать противоположно тому — отсекай одни пристрастия за другими, начиная с меньших и доходя до больших. Как завязший в тину выдергивает член за членом, пока совсем не освободится, так станем отсекай пристрастие за пристрастием, пока станем совершенно свободными. Если употребим такой труд, то к часу смертному можем быть совсем уже отрешены от всего и готовы без скорби оставить землю и все земное, ожидая только манования Божия. 2. Но не одни пристрастия земные могут возмущать покой души в час смерти. Не менее тревожит и страх — как явиться на тот свет, где надо стать пред лицо Бога — Судии Праведного, очи Которого светлее солнца, — все проникают и все видят, а у нас много грехов. Как тому, кто знает что за собою, страшно идти к начальнику, и тем более к царю, так страшно грешному предстать пред Бога, так страшно, что, по слову Божию, они бывают в необходимости кричать: Горы, падите на ны (ср.: Лк. 23, 30). Причина сему — грехи, оскорбляющие Бога. Потому, желает ли кто без страха встретить смерть и покойно перейти на тот свет, пусть позаботится о том, чтобы быть безгрешным, или, если уже нагрешил, пусть сделает, чтобы грехи сии не послужили ему в осуждение. Как это сделать? Искренним покаянием и решимостью — не нарушать более заповедей Господних. Кто грешил — вперед не греши, а о прежних грехах принеси покаяние. Покаяние и сокрушение о грехах с исповедью и обещанием не грешить более, изглаждают грехи отовсюду, где они печатлеются — из существа нашего, из всего окружающего и даже из памяти Божией, и делают кающегося грешника неповинным пред лицом Бога Праведного, облекая его одеждою оправдания, заемаемою от ризы Господа, ради нас пострадавшего... Разрешение священническое раздрает рукописание грехов, а раздранное рукописание теряет всю свою силу, по воле Самого Судии, Который сказал: Елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех (Мф. 18,18). Уверенность в сем исполняет сердце грешника благонадежием, и хотя он знает, что грешил, но идет пред Судию без трепета, зная, что его приход туда предварило уже оправдание или что там при Судии есть и Ходатай, готовый заступиться за него... Ибо аще кто согрешит, Ходатая имамы ко Отцу, Иисуса Христа Праведника (1 Ин. 2,1). Если б какой преступник уверен был, что за него заступится наследник престола, глас коего силен у царя, то без боязни шел бы к царю, какое бы преступление ни сделал. Так без страха и смущения может являться пред Судию Бога и грешник — покаявшийся, ибо там за него заступится Единородный Сын Божий, грехи наши взявший на Себя и вознесший на древо, и сказавший: Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные грехами, и Аз упокою вы (ср.: Мф. 11,28). Так, кто хочет покойно умереть, покайся и вперед не греши...